

ПАНЕГИРИК КАК РЕЧЕВОЙ ЖАНР

Настоящая статья посвящена исследованию панегирика как речевого жанра. Автор обращается к основным моментам развития жанра, его идейно-художественному своеобразию, истории и современности, анализирует ораторский дискурс Античности, Киевской Руси, Московской Руси, Петровской России, Советского государства.

Ключевые слова: панегирик, ораторская речь, житие, слово, ода, агитация, гимн.

V.N. Rudnev

EULOGY AS A SPEECH GENRE

This article is devoted to research panegyric as a speech genre. The author addresses the main points of the genre, its ideological and artistic originality, history and modernity. It analyzes the oratorical discourse of antiquity, Kievan Rus, Muscovy, Petrine Russia, the Soviet state.

Keywords: eulogy, panegyric, oratorical speech, life, the word, ode, agitation, Anthem.

В настоящей статье автор продолжает исследование речевых жанров, начатое ранее [7, с. 155–159]. Напомним, что под речевым жанром принято понимать тип текстов, речевых произведений, характеризующихся общностью авторской позиции, композиционным и стилевым своеобразием. Риторика традиционно со времен Античности опирается на два основополагающих речевых жанра: *панегирик* (восхваление) и *инвективу*. Рассмотрению первого из них посвящена данная статья.

Панегирик (от греч. *logos panēgyrikos* – хвалебная речь на всенародном торжественном собрании) – энкомий (от греч. *encomium* – восхваление) – это хвалебные речи. В более широком смысле панегириком называется всякое восхваление независимо от жанра, в котором оно выражено (например, в оде) [11, с. 266]. Такое определение предлагает Литературный энциклопедический словарь [11]. Современные исследователи отмечают: панегирик – это «обозначение позитивно-оценочного речевого жанра, похвалы, хвалебной речи с дополнительным смыслом умеренности похвал» [10, с. 441].

Изучение речевого жанра панегирика перспективно как с филологической точки зрения, так и в контексте проблем иных отраслей гуманитарного знания: культурологии, этики, эстетики, политологии и психологии, пиар-технологий. Не претендуя на комплексный анализ, автор обращается к основным моментам развития жанра панегирика, его идейно-художественному своеобразию, истории и современности.

¹Кандидат педагогических наук, доцент кафедры русского языка и общего языкознания НОУ ВПО «Российский новый университет».

Панегириком в Древней Греции называли речь на праздничном собрании, хвалебную речь. Таким образом, речевая стратегия (мыслительный план общения посредством речи) автора панегирика – это агитационно-пропагандистское воздействие на слушателей. Речевая тактика (намерение управлять поведением партнера речи) при этом состоит в утверждении определенной системы ценностей, общественных или политических воззрений. Поводом для прославления являются общественно значимые даты: в Древней Греции, например, – Олимпийские игры; в средневековой Европе – дни рождения, коронации, смерти монархов. Панегирик, таким образом, является основным родом эпидейктического (торжественного) красноречия. Его цель – произвести на слушателя долговременное впечатление, «заронить мысль в его душу», укрепив его в тех или иных взглядах, представлениях [22, с. 56].

Одним из направлений эпидейктического красноречия было прославление героев. Герой в представлении древних эллинов оставался бессмертным в духовном плане. Он становился образцовой моделью для всех, кто стремился спасти свое имя от полного забвения, остаться в памяти людей. Отсюда такое понятие древнегреческой цивилизации, как «культурный герой» – мифологический персонаж, который участвует в мироустройстве, добывает людям огонь, учит их различным искусствам, устанавливает праздники, ритуалы и т.д. Одним из самых известных греческих культурных героев был Геракл (само его имя, по одной из версий, означает «прославленный Герой»). Жизнеописания героев Древней Эллады также панегиричны, ведь в них превозносятся подвиги, великие деяния (например, подвиги Геракла).

В ораторской прозе панегирик расцветает как политическое орудие и способ патриотического воспитания юношества. Наиболее ярко это выражено в речи Перикла в честь павших героев-воинов Пелопоннесской войны (V в. до н.э.). Гибель храбрцев становится поводом для восхваления всего государственного устройства Древних Афин. Показательны такие слова Перикла: «Наш государственный строй не подражает чужим учреждениям; мы сами скорее служим образцом для некоторых, чем подражаем другим» [23, с. 15]. Перикл, политик и стратег (главнокомандующий) Афин, идеализирует жизнь своего полиса. Выступая от имени верхов афинской демократии, в своем панегирике он ничего не говорит о рабстве, о начинающемся упадке Афинского государства. Позиционируя Афины как «центр просвещения Эллады», Перикл гиперболизирует культурные и политические добродетели своего Отечества: «Мы нашей отвагой заставили все моря и все земли стать для нас доступными, мы везде соорудили вечные памятники содеянного нами добра и зла».

Этот панегирик демократическим Афинам, произнесённый Периклом, в котором историк Фукидид видел воплощение государственной мудрости, навеки останется одним из образцов ораторской мысли Древней Греции.

Великий оратор Античности Цицерон скажет, что в похвальных речах «наибольший успех имеет хвала людям мужественным, чьи дела оказываются предприняты без выгоды и награды», «о милосердии, беспристрастии, благожелательности, честности, храбрости в общей беде люди слушают с удовольствием» [25, с. 199]. В 46 г. до н.э. Цицерон произнес знаменитую речь «По поводу возвращения Марка Клавдия Марцелла» – панегирик Юлию Цезарю за его политику милосердия: «Ты, Гай Цезарь, вновь открыл передо мной и для всех здесь присутствующих как бы поднял знамя надежды на благополучие всего государства» [24]. Насколько искренними были эти слова, можно судить по тому, что сам Цицерон был убежденным республиканцем, а Юлий Цезарь уже в полной мере проявил свои устремления к неограниченной власти. Римский оратор заранее благодарит Цезаря за возвращение Марцелла, одного из оппозиционеров, из изгнания (в действительности, только впоследствии диктатор удовлетворит просьбу сената). Отметим, что данная речь имеет гражданскую направленность: выражая благодарность Цезарю, Цицерон напоминает ему об интересах государства: «Таков твой жребий – тебе придется потрудиться над тем, чтобы восстановить государственный строй и затем самому наслаждаться им в тишине и спокойствии».

Таким образом, панегирик в античной культуре оформился как жанр хвалебной речи. Авторская позиция панегириста в лучших образцах данного жанра отличалась умением сформулировать политические, социально-нравственные идеалы, способствующие консолидации общества. Также жанр панегирика нацеливал лицо, к которому была обращена речь (герой речи), на позитивную деятельность во благо общества (полиса).

На русской почве образцом эпидейктического красноречия служит «Слово о Законе и Благодати» митрополита Илариона, составленное между 1037 и 1050 годами. Академик Д.С. Лихачёв пишет о «Слове», что это «историософская политическая речь, утверждающая существование Руси, ее связь с мировой историей, ее место в мировой истории» [12, с. 6]. В третьей части «Слова» возносится похвала князю Владимиру, крестителю Руси:

«Похвалим же и мы, по силе нашей, / Малыми похвалами великое и дивное сотворившего / Нашего учителя и наставника / Великого государя нашей земли Владимира...» [современный перевод] [18, с. 179].

Как апостолы обратили в христианство другие народы, так и князь Владимир обратил в новую веру Русь. Обращаясь к своему современнику князю Ярославу Мудрому, Иларион называет его «верным восприемником» Владимира, крестителя Руси. «Слово о Законе и Благодати» митрополита Илариона – это не только панегирик князьям Владимиру и Ярославу, но еще и молитва за Русскую землю, которой суждено было стать оплотом христианства.

Речевой жанр панегирика на русской почве был воплощен в рамках житийной литературы. Как точно заметил исследователь культуры Древней Руси Н.К. Гудзий, автор жития имел перед собой определенную цель: «дать образ святого, который соответствовал бы установившемуся представлению об идеальном церковном герое» [1, с. 36]. Иначе говоря, перед нами не портрет человека со всеми его достоинствами и недостатками, а икона. Обязательным элементом жития святого был панегирический рассказ о рождении «блаженного ребенка» от благочестивых родителей, его детстве, к детям играющим «не приближайся». Затем житие показывает подвиги святого, которыми он стяжал славу у современников и почитание его как образцового примера христианской жизни и носителя чудодейственной силы после смерти у потомков. Следовательно, житие-панегирик заключал в себе «этикет миропорядка, этикет поведения и этикет словесный» (Д.С. Лихачёв).

Таково «Житие Александра Невского» (XIII век). В других вариантах оно имеет показатель-

ные панегирические названия: «Повесть о житии и храбрости», «Слово о великом князе», «Житие блаженного великого князя». Перед нами героический образ князя-воина, доблестного полководца и мудрого политика. Святой воин Александр Невский обращается к дружине перед боем со словами: «Не в силе Бог, а в правде. Иные – с оружием, иные – на конях, а мы Имя Господа Бога нашего призовем! Они поколебались и пали, мы же восстали и тверды были». Это житие так же, как, например, «Слово о житии и о преставлении великого князя Дмитрия Ивановича, царя Русского», становится не биографией реального человека, а назидательным панегириком. По сей день мы используем крылатую фразу Александра Невского «Не в силе Бог, а в правде!», который, как известно, стал победителем телепроекта «Имя Россия».

Новым этапом развития речевого жанра панегирика можно считать годы царствования Петра I. Панегирическое стихотворное приветствие, с которым Симеон Полоцкий выступил в 1656 г. в Витебске, в присутствии русского царя, считается началом нового русского панегирика, получившего впоследствии развитие в творчестве самого С. Полоцкого, а также Ф. Прокоповича, С. Медведева, С. Яворского и др.

В XVIII веке становится традицией отмечать военные победы российского императора приветственными стихами, речами проповедников. В 1709 году в присутствии Петра I Феофан Прокопович произнес «Панегирикос, или Слово похвальное о преславной над войсками свейскими победе» под *Полтавой*. Используя сходство имен, Феофан Прокопович сказал, что в день Полтавской битвы Петр, «аки второй Самсон», «растерзал еси» свейского (т.е. шведского) льва.

Феофан Прокопович, идеолог царствования Петра, в своих панегириках прославляет новую Россию, которую Петр поднял на недостижимую высоту. В «Слове похвальном в день рождества благороднейшаго государя царевича и великого князя Петра Петровича» (1715 г.) Феофан Прокопович писал: «Что бо была Россия прежде так не долгого времени? И что ест ныне? Посмотрим ли на здания! На место грубых хижин наступили палаты светлые, на место худаго хвастия, дивные вертоградцы. Посмотрим ли на градския крепости! Имеем таковыя вещию, каковых и фигур на хартиях прежде не видели» [4, с. 260]. Борьба орла (символ Российской империи) со львом (символ Швеции) традиционна для панегириков эпохи Петра I:

«Льва Немейска сила изменися; / О камент твердый Петра сокрушися. /

Да се дело / Всяк пой смело / Беспрестанно, / Всеизбранно. / Днесь виват!» [5, с. 34].

Принято даже выделять особый литературный жанр – «петербургский панегирик». В нем Петр Великий предстает как преобразователь и победитель первобытного «хаоса» (под «хаосом» аллегорически подразумевалась допетровская Русь). Петербург выглядит как «северный Эдем», а Петр – это демиург – творец «петербургской вселенной», основоположник нового этапа в истории государства Российского. Проповедник Стефан Яворский даже сравнивает Петра, русского императора, с апостолом Петром, преемником Иисуса Христа [20, с. 43]. Как видим, перед нами возрождение античной традиции. Петр – это культурный герой, организатор нового мироустройства, порядка в жизни государства Российского.

Кроме уже устоявшихся в ораторской прозе того времени сравнений Петра с Самсоном, царем Давидом, Феофан Прокопович в своем панегирике поднимает тему духовного памятника, что оставляет после себя правитель: «Не весьма же, россияне, изнемогаем от печали и жалости, не весьма бо и оставил нас сей великий монарх и отец наш. Оставил нас, но не нищих и убогих: безмерное богатство силы и славы его, которое вышеименованными его делами означилося, при нас есть» [6, с. 53]. Как митрополит Иларион создает в «Слове о Законе и Благодати» образ идеального правителя князя Владимира, крестившего Русь, так и Феофан Прокопович прославляет в надгробной речи мудрые реформы Петра Великого. Для Илариона Владимир – это реформатор русской церкви, для Феофана Петр – преобразователь государства Российского. В обоих панегириках используется прием аналогии: князь Ярослав для Илариона есть продолжатель дела Владимира, крестителя Руси; борьба князя Владимира с языческими жрецами уподоблена Феофаном Прокоповичем борьбе Петра I с консервативными деятелями церкви. Данное «Слово...» Феофана Прокоповича – это торжественный панегирик в честь царя-победителя шведов, реформатора великой страны, близкий по языку и риторическим приемам литературному этикету Древней Руси. Как верно заметил один из исследователей, профессор В.А. Якимов, «в конце Слова Феофан является уже не оратором, но человеком и ... гражданином» [27, с. 59].

Традиция сакрализации (обожествления) Петра Великого будет продолжена в одах М.В. Ломоносова. Обращаясь к Елизавете Петровне, дочери Петра, он пишет в оде 1761 года:

«Безгласна видя на одре / Защитника, отца, героя, / Рыдали россы о Петре; / Везде наполнен

воздух воя, / И сетовали все места: / Земля казалась пуста; / Взглянуть на небо – не сияет; / Взглянуть на реки – не текут, / И гор высота оседает; / Натуры всей пресекался труд [13].

Гиперболизация – характерный литературный прием для авторов панегириков. Смерть царя-реформатора для Ломоносова подобна смерти героя-полубога: даже природа скорбит, оплакивая невозполнимую потерю такого человека.

Торжественная ода в России XVIII в. – это не только литературный текст, не только слово, но действие, особый обряд. «Жанр оды позволял соединить в большом стихотворении лирику и публицистику, высказаться по вопросам, имеющим государственное значение, и сделать это сильно, красиво, образно» [5, с. 32]. Оды заказывались правительством, и их чтение составляло часть праздничного церемониала. Они были как фейерверки или иллюминация, которыми сопровождалась в Петербурге торжественные события в жизни государства.

Но было бы неверным сводить панегирические оды лишь к выражению верноподданнических чувств. Гражданскими мотивами наполнены все произведения М.В. Ломоносова. Он, как известно, писал оды, посвященные пяти российским самодержцам: Анне Иоанновне, Иоанну Антоновичу, Елизавете Петровне, Петру III и Екатерине II. Однако содержание и значение похвальных од Ломоносова неизмеримо шире и важнее их официально-придворной роли. «Ода стала программным общественно-политическим произведением, говорившим о положении страны в настоящем и о задачах на будущее. И следует подчеркнуть, что такой характер русской оде придал именно Ломоносов, и был он в этом оригинален, хотя и опирался на уже известные традиции в русской литературе» [5, с. 32]. Похвальная ода представлялась Ломоносову наиболее удобной формой беседы с царями. В каждой из них поэт развивал свои идеи и планы, связанные с судьбами русского государства. Так, ода «На день восшествия на престол императрицы Елизаветы Петровны» начинается вступлением, содержащим хвалу этой «тишине», т. е. мирным временам, которые способствуют процветанию государства и благополучию народа:

«Царей и царств земных отрада, / Возлюбленная тишина, / Блаженство сел, градов ограда, / Коль ты полезна и красна!» [14, с. 82]

Защищая национальные интересы России, Ломоносов, деятель русского Просвещения, обращается в оде (1762 г.) к новой императрице – Екатерине II с такими словами:

«Услышьте, судии земные / И все державные главы: / Законы нарушать святые / От буйности

блюдитесь вы / И подданных не презирайте, / Но их пороки исправляйте / Ученьем, милостью, трудом. / Вместите с правдою щедроту, / Народную блюдайте льготу; / То Бог благословит ваш дом». [14, с. 88]

Как видим, в рамках речевого жанра панегирика Ломоносов сумел сформировать социально-нравственный идеал мудрого правителя, который воздействует на подданных не грубой силой, а прибегает к этико-воспитательному арсеналу: просвещению, развитию наук, искусств, ремесел, образованию граждан.

Возрождение одических традиций можно наблюдать в русской литературе эпохи Октябрьской революции 1917 года. Яркий пример этому – «Ода революции» В.В. Маяковского:

«Тебе, / освищенная, / осмеянная батареями, / тебе, / изъезженная злословием штыков, / восторженно возношу / над руганью реемой / оды торжественное / “О”! / О, звериная! / О, детская! / О, копеечная! / О, великая!»

Прославляя коренной и резкий социальный переворот, поэт в финале оды использует антитезу для усиления эмоционального восприятия:

«Тебе обывательское / – о, будь ты проклята трижды! – / и мое, / поэтово / – о, четырежды славься, благословенная!»

Поэму, посвященную 10-летию юбилею Октября 1917 года, Маяковский неслучайно назвал «Хорошо!» Общеизвестен отзыв о поэме А.В. Луначарского: «Это – Октябрьская революция, отлитая в бронзу». Тот же Луначарский писал: «Маяковский создал в честь Октябрьского десятилетия поэму, которую мы должны принять как **великолепную фанфару** (выделено мной. – Авт.) в честь нашего праздника, где нет ни одной фальшивой ноты, и которая в рабочей аудитории стяжает аплодисменты» [16, с. 144].

Таким образом, агитация – вот основа развития панегирического жанра в новых условиях 20–30-х гг. XX века. Как отмечал тот же А.В. Луначарский: «Всякий агитатор должен быть художником, как и всякий художник должен быть агитатором» [22, с. 7]. Распространение большевистских идей идет прежде всего через литературу, художественное творчество, например поэт В.В. Маяковский в поэме «Хорошо!» славит Отечество, «которое есть, но трижды – которое будет», славит «планов наших... громадьё, размаха шага саженьи». Он воспевае не только пока еще далекое от идеала настоящее, но и светлое социалистическое будущее, в которое безоговорочно верит. Поэма заканчивается на оптимистической ноте:

«Жизнь прекрасна / и / удивительна. / Лет до ста / расти / нам / без старости. / Год от года / ра-

сти / нашей бодрости. / Славьте, / молот / и стих, / землю молодости».

Советский панегирик – весьма перспективная и пока малоисследованная научная сфера. Интересен анализ советских фильмов, предложенный Е.Л. Кудрявцевой, в котором выявлены черты сакрализации образа И.В. Сталина [9, с. 262–265]. Автор «Риторического словаря» Г.Г. Хазагеров в качестве примера панегирика 30-х гг. XX века приводит одну из речей А.Я. Вышинского:

«Цветет, радостно растет наша великая родина. Богато колосится золотом хлебов бесчисленные колхозы, полной грудью дышат тысячи новых социалистических стахановских фабрик и заводов. Дружно и чудесно работают на благо Родины железные дороги, по бесконечно сверкающим стальным лентам которых из конца в конец мчатся кривоносские поезда и маршрутки. Несокрушимо, как гранит, стоит на страже родных границ окруженная любовью народа Красная Армия. Дороги и близки родные нам и всем, кто преисполнен сыновней любовью к своей матери-родине, имена замечательных большевиков, неутомимых и талантливейших строителей нашего государства – Серго Орджоникидзе, Клина Ворошилова, Лазаря Моисеевича Кагановича, руководителей украинских большевиков – Косиора и Постышева, руководителя ленинградских большевиков – Жданова. С непревзойденной великой любовью произносятся трудящимися во всем мире имя великого учителя и вождя народов СССР – Иосифа Виссарионовича Сталина!» [22, с. 25–26].

Обвинительные речи Генерального прокурора СССР А.Я. Вышинского, как известно, отличались высоким агитационным пафосом. Убеждая широкие массы советских людей в виновности «врагов народа», он одновременно занимался политическим воспитанием населения, внедряя мысли о патриотизме, чувстве долга, верности идеалам ВКП(б). Панегирик стране Советов и лично товарищу Сталину стал мощным агитационным средством, а значит, также и средством политической борьбы. Слова, произнесенные в годы сталинских репрессий, отражают в то же время и триумф советских людей, строящих новое справедливое общество. «Социализм – это Сталин», – такой лозунг возникает в эту эпоху. Можно подобрать примеры панегириков Советской стране и лично И.В. Сталину из творчества зарубежных писателей. Например, Л. Фейхтвангер, посетивший СССР в 1936–1937 годах, обращался к Сталину с такими словами: «Покидая Советский Союз, я чувствую потребность сказать Вам – достойному представителю советского народа, каким глубоким переживанием было для меня это путешествие в Вашу страну. Тот, кто изучает Вашу страну и Ваш народ без предубеждения, должен радостно восторгаться всем тем, что достигнуто за эти двадцать лет. Человеческий разум одержал здесь блестящую победу. Кто видел, с какой мощью и с каким умом Вы и Ваш народ защищаете и расширяете свои достижения, тот, покидая Советский Союз, полон счастливой уверенности, что нет на свете такой силы, которая смогла бы уничтожить осуществленный в Вашей стране социализм» [17, с. 277].

В полной мере панегирические мотивы советской литературы выражены в «Гимне СССР». Всенародный патриотический подъем послужил толчком к конкретизации политического идеала Советского государства и оформлению его в

виде торжественного панегирика. С. Михалков, создавший текст Гимна в соавторстве с Г. Эль-Регистаном, впоследствии писал: «В ночь на Новый, 1944 год по Всесоюзному радио прозвучал новый Гимн Советского Союза. Он прозвучал мощной здравицей в честь советского народа, армия которого освобождала оккупированную территорию и ломала хребет фашизму» [19]. Автор музыки А.В. Александров вспоминал: «В этом гимне мне хотелось соединить жанры победного марша, чеканной народной песни, широкого эпического былинного распева. И позднее, работая над усовершенствованием гимна Советского Союза, мне хотелось, чтобы он был другом и вдохновителем человека-гражданина, помогающим ему переносить испытания, вызывающим чувство радости и ликования за нашу Советскую Родину» [26, с. 12].

Не стоит забывать, что советская идеология пропагандировала не только вождя партии и правительства. Героем (с большой буквы) стал как защитник Родины (военный), так и человек труда (рабочий, колхозник, инженер, учитель). Нам следует помнить о позитивном опыте советского прошлого, например при создании имиджа педагогического работника в современной России [3, с. 300–307].

Подводя итог сказанному, отметим, что речевой жанр панегирика активно используется современными политиками, журналистами, общественными деятелями, пиар-технологами. Особенно востребован данный жанр в ходе предвыборных и избирательных кампаний. Это вполне логично, поскольку ораторское искусство еще с эпохи Античности привлекало те или иные словесные формы в целях агитационно-пропагандистского превознесения и восхваления отдельных лиц, событий и т.д.

Превознесение кандидата (на пост Президента, депутата) в XXI веке обязательно сопровождается так называемыми словами-аффективами (в другой терминологии: «словами-лозунгами», «политическими аффективами»). Такую лексику языковеды определяют как «эмоциональные усилители, адресуемые ценностными установками аудитории и способные «приписывать» оратору целый ряд личностных свойств аксиологического характера – мудрость, сдержанность, религиозность...» [8, с. 84]. Примеры таких «усилителей»: *человеческое достоинство, милосердие, вера в идеалы, патриотизм, согласие* и т.д. Панегирик как «безусловная похвала, похвальное слово» (В.И. Даль) [2, с. 15] реализуется также в языке современной рекламы. Ведь психология рекламы основана на умении сформировать у клиента систему определенных установок, ценностей, побуждающих его совершить нужный поступок (приобрести рекламируемый товар). Панегирическая направленность ощущается как в примитивных языковых клише типа *Наш товар самый лучший!*, *Только у нас свежие продукты, наилучшие цены* и т.п., так

и в по-настоящему качественных слоганах типа тако-го: *Наше турагентство – самый опытный туроператор в регионе. География отправки туристов – самая широкая. Наши гиды заботятся о вас и о вашем комфорте. Мы гарантируем здоровье, загар, быстрое передвижение, радость общения с природой других стран. К любому вашему пожеланию мы относимся с огромным вниманием и пониманием. ПРИХОДИТЕ К НАМ!*

Подводя итог, стоит отметить следующее. Впервые, панегирик был в течение многих веков и остается в XXI столетии универсальным речевым жанром, позволяющим выражать позитивную оценку того или иного политика, общественно-го деятеля, харизматического лидера, нации в целом. Во-вторых, жанр уникален с точки зрения его идейно-художественного своеобразия. В частности, он позволяет панегиристу не только восхвалять отдельного Героя, но и отражать мировосприятие, мировоззрение, менталитет нации в определенный период исторического развития (Античность, Киевская Русь, Московская Русь, Петровская Русь, Советская Россия). В-третьих, необходима консолидация представителей различных сфер гуманитарного знания (филологов, политологов, культурологов) для проведения контент-анализа панегирика во всех сферах жизни: литературе и искусстве, этике и философии, политической структуре общества.

Литература

1. Гудзий, Н.К. История древней русской литературы. – М., 1966.
2. Даль, В.И. Толковый словарь живого великорусского языка : в 4 тт. – Т. 3. – М., 2005.
3. Егоров, П.А., Руднев, В.Н. К вопросу о формировании имиджа педагогического работника в современной России // Векторы развития современной России. Материалы 5-й межвузовской научно-практич. конф. – Часть 1. – М., 2010.
4. Елеонская, А.С. Посмертный панегирик Петру I в стенах Славяно-греко-латинской академии // Проблемы литературного развития в России первой трети XVIII века. – Л., 1974.
5. Западов, А.В. Поэты XVIII века (М.В. Ломоносов, Г.Р. Державин). – М., 1979.
6. Западов, В.А. Русская литература XVIII века, 1770–1775 : хрестоматия. – М., 1979.
7. Руднев, В.Н. Речевые жанры // Вестник Российского нового университета. Выпуск 1. Проблемы соц.-гуманитарн. и психологич. наук. – М., 2010.
8. Копнина, Г.А. Речевое манипулирование : учебн. пос. – М., 2010.
9. Кудрявцева, Е.Л. Мифологизация власти и глобализация личности : образ И. Сталина в локальной культуре России конца 1940-х годов и образ богочеловека в глобальной культуре // Цивилизация знаний: российские реалии. Труды 8-й Всероссийской научной конференции. – М., РосНОУ, 2007.
10. Культура русской речи: энциклопедический словарь-справочник. – М., 2003.
11. Литературный энциклопедический словарь. – М., 1987.
12. Лихачёв, Д.С. Тысячелетие культуры // Альманах библиофила. – Вып. 26. – М., 1989.
13. Ломоносов, М.В. Ода <...> императрице Елизавете Петровне <...> ноября 25 дня 1761 года // Режим доступа: feb-web.ru/feb/lomonos/texts.
14. Ломоносов, М.В. Ода Екатерине Алексеевне на ее восшествие на престол июня 28 дня 1762 года // Шедевры литературы XVIII века. Кн. 1. – М., 1997.
15. Ломоносов, М.В. Ода на день восшествия на престол Елисаветы Петровны, 1747 года // Шедевры литературы XVIII века. Кн. 1. – М., 1997.
16. Луначарский, А.В. Десять лет культурного строительства в стране рабочих и крестьян. – М. – Л., 1927.
17. Максименков, Л. Очерки номенклатурной истории советской литературы. Западные пилигримы у сталинского престола (Фейхтвангер и другие) // Вопросы литературы. – 2004. – № 2.
18. Митрополит Иларион. Слово о Законе и Благодати / пер. В. Дерягина // Альманах библиофила. – Вып. 26. – М., 1989.
19. Михалков, С.В. Три гимна в XX веке // Режим доступа: mr.urbannet.ru
20. Николози, Р. Петербургский панегирик XVIII века : миф – идеология – риторика / пер. с нем. – М., 2002.
21. Утченко, С.Л. Цицерон и его время. – М., 1972.
22. Хазагеров, Г.Г. Риторический словарь. – М., 2009.
23. Хрестоматия по античной литературе : в 2-х тт. – Том 1. – М., 1965.
24. Цицерон. По поводу возвращения Марка Клавдия Марцелла // Режим доступа: www.pergam-club.ru/book
25. Цицерон. Три трактата об ораторском искусстве / пер. с лат. – М., 1972.
26. Шилов, А. А.В. Александров – популярный очерк жизни и деятельности. – М., 1955. // Ю. Сальхов. К истории создания отечественного гимна. – М., 1996.
27. Якимов, В.А. О красноречии в России до Ломоносова // Русская риторика : хрестоматия / авт.-сост. Л.К. Граудина. – М., 1996.